

Д. А. Павлова

ПРОБЛЕМА «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» В РОМАНЕ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ «ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ»

Рассматривается проблема поколений, «отцов» и «детей», на материале раннего романа Н. Н. Берберовой «Последние и первые»: создание авторского мифа об эмигрантской «семье», переселяющейся из Парижа на землю, во французскую провинцию.

Ключевые слова: литература эмиграции, творчество Н. Н. Берберовой, поколенческая идентификация, отцы и дети, семья, диаспора.

Литература в эмиграции отсылает нас к глобальным сюжетам культурных кризисов и катастроф. Межвоенное десятилетие, в котором формировалось мировоззрение старших и младших эмигрантов, было отмечено общеевропейскими переломами – социальными, политическими, эстетическими (кризис либеральной системы, формирование тоталитарных режимов, появление «новейшего», «модернистского» романа). Ко второй половине двадцатого века «метафоры современности» удивительным образом начинают совпадать с символами эмигрантской идентичности – «культурный шок», «заброшенность», «оставленность», «одиночество и свобода». Сложившаяся ситуация распада социальных институтов, слома норм побудила принять послереволюционную эмиграцию фактически за идеальную модель «переходного», «промежуточного» общества. В связи с этим «перелом» становится ключевым понятием в отношении экзистенциальной ситуации, в которой оказались многие эмигранты. Это ситуация распада старой духовности, развоплощения, «срыва» культуры и сознания. Сама эмиграция как историческое событие порождает экзистенциальное сознание, более того, эмиграция и есть та экзистенциальная ситуация переходного существования между временами, между культурами, ситуация культурного и языкового разрыва. Нахождение без родины, без корней, без языка, без читателя приводит литераторов к вопросам сущностным: как выстоять, как не потерять себя, как выжить в отрыве от национальной почвы и культуры.

Нас интересует поколение «младоземляков» (Ю. Матвеева), которое в отроческом или юношеском возрасте пережило Гражданскую войну и оказалось за рубежом. Ко второй половине 1920-х гг. молодые писатели-эмигранты прошли тяжелейший период «приживания» и адаптации, после чего поколение «сыновей» активно вошло в литературу, заставило говорить и спорить о себе. С этого момента и в оппозиции по отношению к старшим началось его творческое самоопределение [1, с. 5]. Поэтому рассматриваемая нами проблема разобщенности и противостояния старшего и младшего поколений в эмиграции становится актуальной

и в контексте основных эмигрантских проблем: национальная самоидентификация, разрыв с традицией, утрата ориентиров, культурное одиночество, незамеченность, заброшенность, поиск корней, воссоздание Родины в чужеродном пространстве. Создатели новой литературы обладали новым мироощущением, потому что сам факт эмиграции требовал перемен, переоценки ценностей, смены устоев творчества и средств художественной выразительности. Борис Зайцев, размышляя над вкладом писателей-эмигрантов в культуру России, затушевывает их литературные заслуги, а на первый план выдвигает этический «кодекс»: бескорыстие, скромность, стойкость, свободолюбие, чувство собственного достоинства, любовь к Родине, вера в Бога и собственную миссию [2, с. 144].

Отсутствие опоры становится главной трагедией «детей», которые не знали былой России. Им досталось лишь слабое ее предощущение в пространстве эмиграции, окутанной атмосферой смерти и разрыва традиции. Молодые художники первой русской эмиграции (Н. Берберова, Г. Газданов, В. Набоков, В. Яновский, Б. Поплавский, И. Одоевцева, В. Варшавский, А. Гингер, А. Присманова и др.) болезненно ощущали собственную иноприродность. Эмиграция для них обернулась не столько групповой, сколько индивидуальной проблемой идентичности, проблемой «самостояния» и отстаивания себя во враждебном пространстве. Обостренное чувство катастрофы, ощущение одиночества и заброшенности, разъятое сознание, неприятие современной буржуазной цивилизации, размышления о цели жизни и смысле смерти стало объединяющим мироощущением младших [1, с. 13].

Молодежь интересовал духовный перелом, вызванный крушением вековых общественных устоев, лишивший личность ориентации в окружающем мире и породивший пафос отрицания. Такие противоречия духовной жизни человека 30-х гг., находящегося в экзистенциальной ситуации, лишеного всяких иллюзий, мучительно ищущего смысл собственного существования и мирового бытия, провоцирует молодых писателей на вывод об абсурдности бесцельного существования человека. Доминирующим состоянием такой личности ста-

новится безысходное одиночество в абсурдном мире. Художественный мир молодых писателей отразил дробный, лишенный цельности внутренний мир человека двадцатого века. Все потрясения, страшные деяния времени преломились в человеке, поэтому в прозе он предстает как явление весьма противоречивое, как единство противоположностей. Многие представители младшего поколения вынесли из своего раннего опыта категорическую истину – «не погибнуть невозможно», хотя обживал ее каждый по-своему [1, с. 19]. Тем не менее они предпринимали попытки преодолеть экзистенциальную бездомность и выстроить новую систему координат, опираясь на подсознание, хранящее память о прошлом и создающее вымышленную вселенную в чуждом пространстве зарубежья.

Начав литературную деятельность еще в России, жена Ходасевича Нина Берберова по возрасту принадлежала к молодому поколению, но позиционировала себя и воспринималась современниками как связующее звено между поколениями эмигрантских «отцов» и «детей». На одном из заседаний «Зеленой лампы» она выступила от имени «литературной молодежи» с позитивной программой единства поколений, в основе которой идея национально-культурного единства и верности традиции: «Сегодняшний день, сегодняшний час – для литературной эмигрантской молодежи самый важный. Сейчас, унеся в себе Россию, она становится “лицом к Европе”, где почитали за счастье жить лучшие русские писатели» [3, с. 61].

Первый роман Н. Н. Берберовой «Последние и первые» (1929) стал одним из первых эмигрантских романов об обустройстве русских во Франции. Герои Берберовой – русские эмигранты, территориальное пребывание которых меняется (Россия – Париж – Провансальская провинция), но время для них остановилось. Не имея твердой почвы под ногами, будучи погруженными в чужеродную среду, герои стремятся к укорененности и постоянству, пытаются ассимилироваться в окружающей их жизни, но их существование переменчиво и зыбко. Почти все представители семьи Горбатовых, оказавшись за границей, стремятся к обустройству на земле, к совместному воссозданию дома. Но двое сыновей нарушают успевший установиться домашний уклад своими продуктивными (Илья) и деструктивными (Вася) идеями и поступками. Илья полностью поглощен компанией по возвращению русских на землю, занят спасением своего брата от агитации советских властей. Поэтому уезжает в Париж на некоторое время, что нарушает привычный ритм жизни семьи. Вася заражен идеей возвращения на Родину под отцовское крыло и для этого идет на сделку с Келлерманом.

Фабула выстраивается на разворачивании идеологического посыла, заключенного в нежелании русских в эмиграции соотносить Советскую Россию с утраченной Родиной. Берберова изображает деятельность целой организации по «ловле» и возвращению в СССР «заблудших». Но герои отвергают возможность возвращения и пытаются противостать «руке Москвы».

Первый, идеологический, смысл названия «Последние и первые» делит героев на два типа: приспособленцы (представители новой России, носители несвободного сознания, ограниченного жесткими рамками идеологии, продающиеся за деньги, – старший и младший Келлерманы и поверивший им Вася Горбатов) и те, кто не способен на сделки с совестью и пытается экзистенциально выстоять в эмиграции, понимая, что прежней Родины нет (Илья Горбатов, Вера Кирилловна, Марьянна). Герои второй группы размышляют о «конце мира» и о вариантах выживания – спасения на чужбине. Для каждого представителя эмиграции в романе есть свой вариант. Илья Горбатов спасается идеей возвращения эмигрантов на землю, Вера Кирилловна и Марьянна находят спасение в семье, а погибающий странник Алексей Шайбин находит его в приобщении к коллективному труду на земле в колонии эмигрантов и в семье Горбатовых. Через истинную, полную сострадания любовь Нюша спасает себя и Васю. В момент поиска вариантов спасения Илья говорит Нюше: «...только помощи не ищите. Не люди вас спасут – вы сами спасетесь, если только по-настоящему пожелаете этого, и еще через вас, может быть, оживет кто-нибудь» [4, с. 218].

Спасением для героев становится национальная русская идея почвенничества, которая имеет самое прямое отношение к формированию национальной идеологии, сакрализации родной земли в народном духе. Концепт *почва* вобрал в себя такие основополагающие понятия, как земля, народ, религия. Идеальная сторона русского национального характера обеспечена укорененностью в почве, что является прикосновением к подлинному смыслу православия и православной святости, бережно сохраняемым в русском человеке. Человеку, оторванному от родной земли, грозят вечные метания от порока к добродетели. Предав ее законы, он обрекает себя на болезненное раздвоение, как герои Берберовой: Алексей Шайбин, Нюша Слетова и Вася Горбатов. В этой оторванности от корней и земли, в потере истоков и ориентиров Берберова видит трагедию своего поколения. Тем не менее опыт эмиграции дает возможность приобщения к национальному духу. Берберова вводит понятие «воздушных корней» понимаемых в духовном смысле как Родина, сохранившаяся в памяти. Сохранение внутренней национальной самобытности позволит воссоздать культурную Ро-

дину в чуждом пространстве. Герои Берберовой находят спасение в обустройстве на земле, возделывая ее, – спасают свои души. В связи с этим и семейные идеалы представлены автором как основополагающие и имеющие универсальный характер.

На страницах романа «Последние и первые» Берберова пытается найти ответ на главный вопрос, стоящий перед ней и ее читателями: как выжить в эмиграции? Разные поколения реализуются по-разному и для каждого свой рецепт (спасения) счастья. «Последние» и «первые» представлены поколениями «отцов» и «детей». На первый взгляд, «последние» – это «промотавшиеся отцы», а «первые» – дети как надежда эмиграции. «Отцы», такие как Алексей Шайбин, сами называют себя «последними», проводя при этом границу разрыва между собой и другими, первыми. Берберова акцентирует внимание на том, что во все времена, во все эпохи будут те, кто приходят и меняют, выстраивают новый мир и те, при ком этот мир приходит в упадок, к своему концу. «Вот он, этот первый из первых, – думалось ему. – Первый, шагнувший от нас и от нашего времени в иное, куда доступа нам нет. Первый из тех, что живут по-другому, чем жили когда-то мы. На нас кончилось, с них начинается. И между нами – разрыв двух эпох. Лучше ли они нас, хуже ли – рассудят третьи... Время развалилось, мгновение, когда это произошло, никому проследить не удалось, и оказались мы – здесь, по одну сторону разрыва, а они – там, по другую» [4, с. 176]. Так думает об Илье Горбатове представитель «последних» Алексей Шайбин.

Внутри возрастных групп выделяются свои поколения «уставших от жизни» и «деятелей». Усталость и разочарованность в жизни не всегда характеризует «старших». Вася Горбатов пытается вернуться в Россию, потому что не готов к труду и ответственности за свою жизнь. Он стремится обрести определенность под крылом оставшегося в России отца: «Ему хочется найти точку опоры – он не чувствует ее в себе самом, и эта точка для него сейчас – Горбатов и горбатовская Россия» [4, с. 218]. Испытывая постоянную растерянность от потери устойчивых ориентиров и невозможность найти для себя применение в равнодушном мире эмиграции, Вася ощущает себя «лишним» человеком. Ощущая страх перед трудностями выбора и ответственности, он поддается желанию их избежать. «Не могу я здесь, мой путь домой, к отцу, и здесь наши общие цели с Келлерманом. Отец сиденье наше здесь презирает. Поеду – будут деньги, будет жизнь, какая захочу. Я эту не выбирал. И, знаешь, мне необходимы, то есть совершенно необходимы корни» [4, с. 218].

Среди молодых есть те, которые остаются на эмигрантской земле, сохраняя в себе русскую мен-

тальность и память о России, – Илья Горбатов и Марьянна. Но даже их позиции различаются. Марьянна, в отличие от братьев, цельный человек, который не свернет на ложный путь умозрительных идей. Она реализуется и в труде, и в семье, и в любви к французскому юноше Габриэлю. Частная жизнь определяет ее существование, и она не жертвует ей даже во имя судьбы всех русских эмигрантов во Франции. Она воплощает земную жизнь, ее заботят природные циклы сбора урожая и посева, плодородность земли, планирование жизни. Вместе с матерью, Верой Кирилловной, она мудро принимает эмигрантскую реальность и берется за освоение и обустройство чужого пространства, воссоздание в нем своего национального мира. В возделывании и одомашнивании земли, в строительстве семьи Марьянна обретает не только почву под ногами, но и счастье. Именно на таких героев опирается Берберова в выстраивании своей утопии самобытного эмигрантского мира на чужбине, не изолированного от местного населения (брак Марьянны и Габриэля). Илью же интересует глобальная идея переустройства эмигрантского бытия, во имя которой он отказывается от любви Нюши. Подчинив себя всецело идее переселения русских эмигрантов на землю, он становится героем-идеологом, далеким от реальной земной жизни.

Среди старших есть как представители «деятелей» (Вера Кирилловна, с молодым упорством создающая идиллическое домашнее пространство внутри большого враждебного мира), так и «отцов, уставших от жизни и не поспевающих за ней» (Алексей Шайбин, мечущийся между странами, между миром и войной, между женщинами, которых любил, не способный удержать тех, кто рядом. Внутренняя раздвоенность героя делает его не способным к постоянству, однозначному выбору и оседлому образу жизни. Шайбин – странник, убегающий от себя и ответственности за былые проступки).

Поколение «отцов» также представлено слепым старцем, путешествующим по Европе и слагающим песни о России. Его образ дан, скорее, как эмблема утраченной эмигрантами Родины, которая пространственно изменила свое местонахождение. Герои романа Берберовой унесли Россию с собой в душах и в детских воспоминаниях в новое, обживаемое ими европейское пространство. Возможно, странник представляет собой не только поколение «отцов», а является единственным представителем поколения «дедов», исчезнувших из новой жизни в эмиграции. Поэтому никто не знает его имени и цели его странствий. Старик как странствующее напоминание о потерянной России часто появляется в жизни семьи Горбатовых, пока в свой последний визит не оставляет у них путешествующую с ним девочку Анюту. В концепции романа образ Анюты, странницы без

дома, семьи и родины, принципиально важен. Странничество и сиротство символизируют саму трагедию эмиграции: отрыв от корней, бездомность, постоянную борьбу за выживание. В финале обретающая дом на земле и семью Горбатовых Анюта дает надежду на спасение в эмиграции.

Поколенческое противостояние окончательно исчезает в романе у представителей Советской России. Образы старшего и младшего Келлермана идеологически и поколенчески неразличимы. Способный на предательство и подлость Адольф Келлерман идет рука об руку с отцом, продажным торговцем человеческими судьбами, и советская идеология устраивает обоих. Адольф не занимает характерную для молодых позицию бунта и не стремится к преобразованию мира, он принимает действительность и находит в ней выгоду для себя.

Сюжет романа «Последние и первые» последовательно разворачивает тему строительства семьи как единственного способа существования человека в чужеродном мире: личной семьи (и такие семьи создают Марьянна и Габриэль, Вася и Ньюша) и национальной семьи (создание русской колонии в Провансе, на земле). Движение от индивидуального, частного, ко всеобщему и национальному изображается с помощью таких героев, как Вера Кирилловна, готовая создать передвижную школу для детей, Илья Горбатов, философ-интеллигент, названный в романе «деятелем», Росторопенко, лидер переселяющихся на землю рабочих. Их интересует

судьба всего поколения, оставшегося без корней и опоры, выживающего в чужом пространстве. Интенция к объединению и созданию национальной семьи, диаспоры, дает возможность укоренения и обретения смысла существования. Диаспора становится для эмигрантов той опорой, которую они так отчаянно ищут. А земля, к которой припадают герои-деятели, несет в себе след утерянной Родины. Земля является основным, смыслообразующим концептом в романе: «руки их были в земле» (о Марьянне, Илье, Вере Кирилловне), «пока мы не в России, место наше на земле», русская природа такова, что земля – самая близкая нам стихия, что мы на земле всегда «у себя». Кусок земли у героев Берберовой ассоциируется с занимаемым местом в мире. Возвращение к земле таких героев, как Шайбин и расторопенские рабочие, становится для них обретением себя и национальной семьи.

В романе «Последние и первые» через национальный образ русской диаспоры Н. Н. Берберова выстраивает семейный миф. Семья являет собой позитивный выход в эмиграции, гармонизирующий взаимоотношения поколений, поэтому герои стремятся к созданию семей, к парности. Двадцатый век разрушил традиционные кровные связи (отделение Васи от семьи – пример разъединения отцов и детей), тем необходимее становится создание новой родственности, основанной на связи духовной. Так Н. Н. Берберова строит свой миф о существовании русских эмигрантов во Франции.

Список литературы

1. Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземляков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 196 с.
2. Анисимова Е. Е. Б. К. Зайцев и В. А. Жуковский: реактуализация классики как фактор идентичности писателя-эмигранта // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 142–148.
3. Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое лит. обозр., 2005. 192 с.
4. Берберова Н. Н. Биянкурские праздники. М.: АСТ: Астрель, 2011. 349 с.

Павлова Д. А., аспирант.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: tpu@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 09.10.2012.

D. A. Pavlova

THE TOPIC OF “FATHERS AND CHILDREN” IN BERBEROVA’S NOVEL “THE LASTS AND THE FIRSTS”

The article deals with the problem of generations, the “fathers and children”, based of the early novel by N. N. Berberova “The Lasts and Firsts”; the creation of the myth of immigrant authors “family”, moved from Paris to the country, to the French province.

Key words: *N. N. Berberova, generation identity, generation strife, existential homelessness, nationalist trend, airy roots, the Last and the First, Paternal generation, Kids’ generation, national family, diaspora.*

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: tpu@tpu.ru